

Взаймы

Сумерки водянистые
сгущаются на ходу.
Словно бы сребролистные
ели в снежном саду.

Встрепенешься, разбужена
тайным пеньем из тьмы.
Все это незаслуженно –
в долг этот сад, взаймы.

Лучшие украшения –
скрипочка со смычком
все покроют лишения,
все лежанья ничком.

Сердцем – за музыкантами,
глядь – а на дне сумы
ларчик резной с талантами:
в долг это всё, взаймы.

А не отдашь – сторицею
взыщется за постой:

будешь немой черницей
воздух глотать пустой

Ведь недаром у сумрака
столько умбры, сурьмы,
столько охры и сурика,
и багряной каймы!

И не за так – слетаются
ангелы петь псалмы –
небо с землей срастаются
под прикрытьем зимы.

Что отдам за победное
Таинство, Элогим? –
Это ль пальтишко бедное
с сердцем моим под ним?..

* * *

П. Л.

Помню эту блаженную пору, поющий словарь,
и, закутанный в облако, словно какой небожитель,
сам себе ты пророк, и священнослужитель, и царь,
и свой собственный узник, истец, совопросник, мучитель.

На глаза легкомысленно челка спадает со лба,
и покуда звучит свысока самовластная лира,
где-то около сердца на скрипке играет Судьба,
увлекая в прекрасность и праздничность страшного мира.

А кто скиснул и сдулся в потемках, как шар надувной,
ныл, скулил, – и не жар от него, и не холод, –
и обиды копил, и таскал, как рюкзак, за спиной,
тот и не был ни царственно юн, ни божественно молод.

Мальчик с зайцем

Желчный, злобный, почти лежачий старик. У него в мамках
немолодая дочь. Трогает его простыню: мокро? сухо?
А на фортепьяно – старые фотографии в рамках.
С одной из них смотрит мальчик с волосами из пуха,
пятилетний, в длинных шортах на ляшках,
а в руке он держит зайца плюшевого за ухо.

– Сын? – спрашивает врач скорой помощи, указывая на фото.
– Отец это мой, – вздыхает немолодая женщина. Постарела рано...
А старик костерит и ее, и медработников, и еще кого-то,
Кого он потусторонним взглядом видит с дивана.
А когда садится, смотрит вполоборота
и особенно ненавидит мальчика с зайцем, глядящего с фортепьяно.

Словно тот обманул его! Посулил одно, а вышло криво, горбато.
Достались от жизни опивки одни, обмылки,
как в голове у этого зайца труха, опилки и вата.
Жена эти уши потом использовала, как тряпки, мыла ими бутылки.
А мальчик с зайцем всё сияет в лучах заката,
будто не видит, как старика кладут на носилки.

– Что ты красуешься передо мной! – усилием воли последней
взором скользит по фото старик, но грудная клетка
надрывается кашлем, пахнет валокордином.
Уже в передней
так он кричит, что за стеной вскидывается соседка:
– Знать я твоих не желаю розовых бредней
и обличений безгласных твоих, малолетка!

Но мальчик с зайцем не слышит его. Невинно
он смотрит фотографию в объектив, боясь рассмеяться,
иль нос почесать некстати, иль скорчить мину,
иль зайца к груди прижать, как родного братца.
И вдруг замирает, будто рассматривает картину,
не переставая мечтательно улыбаться...

Теодицея

Это кто этот мир, этот сад
преподносит как черный квадрат –
дырку в грубой бездушной рогоже,
уверяя: никто не воскрес!
Нет ни глаз, ни ушей у небес.
Ничего у них нет. Ничесоже!

А раз так – как не рвать, не топтать,
не плевать, не хулить, не роптать,
призывая мокриц и драконов,
повторяя: никто не воскрес...
Славно здесь погулял мелкий бес,
семя в землю излил Передонов.

Оттого ли у отроковиц
и у отроков – между ресниц
вдруг такое мелькает...
В народе
«Свят, свят, свят», лоб крестя, говорят
на мертвящий, мертвеющий взгляд
василиска в российском изводе.

– Расколдуй меня, – просит страна.
Просят Солнце, Земля и Луна.
– Призови чудотворные силы.
Отдери этот черный квадрат,
за которым – сияющий град
и живые встают из могилы.

...Из глубин вековых – в свете дня
собирается вместе родня,
просит дать современный толковник.
И ведет вороного коня
прадед мой.
Он моложе меня.
Он – красавец, он – царский полковник.

Ветка с веткой на крепком стволе.
Древо высится. А на столе
вина царские, хлеб, разносолы...
Древний князь, выясняющий связь
меж потомками, благословясь,
Жизни вечной толкует глаголы.

...Если верить не хочешь – не верь,
закрывай свою черную дверь,
наколи себе метку на шее.
С Недотыкомкой в сердце – хана.
Но захочет Господь – и она
станет доводом теодицеи.

Живая

Я, говорит Земля, живет всех вас, людей.
Чую ваше дыхание, настроенье, каждый флюид,
ваши разбойничьи замыслы и сгущенье идей
и дурные энергии отправляю в Аид.
Там зачинаются землетрясения, вспыхивает огонь,
лава вскипает, жаром дышит вулкан,
мечется пламя под ветром, как рыжий конь,
растрепанный горизонт встает на дыбы, багрян.

Вы меня раните, травите, от источников вод
смад поднимается, дохнут кроты в норе,
в суицидальном ужасе бьется, ревмя ревет
безголосая рыба, рак свистит на горе.
Время сжимается кольцами, словно сытый удав.
Ткань бытия истончается, а вы с унылым лицом,
не понимая знамений, знаков не разгадав,
горло мне заливаете жарким жидким свинцом.

Я говорю с вами оползнем, ураганом ору,
я воплю наводнением, бью наотмашь, в упор.
Иль как на Валтасаровом нечестивом пиру
смерчем тугим по воздуху пишу вам ваш приговор.
Даже бешеный лис нору свою хранит,
даже дятел гнездо не простучит до дыр,
вам же Матерь-Земля – просто мертвый магнит,
и ваши сердца, как наледь, в которой заморожен мир.

...Так говорит Земля, и, к ней с любовью припав,
слышу ее дыханье сквозь хрип и муть:
она провожает мертвых у перистых переправ
и к жизни зовет неживших к себе на грудь.

* * *

Какие тонкие материи
плетет за окнами зима,
за их завесами – мистерии,
театр теней, игра ума.

В средневековых облачениях
свечей блуждает робкий свет.
И нечто в тайных изречениях
готово приоткрыть ответ.

Живая жизнь узнать заранее
желает, что ей предстоит,
и собирает предсказания.
Ее саму двоит, троит.

То видит долю неимущую,
то взрывом сердце поразит.
Так заглянувшего в грядущее
то кинет в жар, то просквозит.

Посланьем кажется космическим
падение снежного дождя,
к корням оккультным, архаическим
и до-евангельским сводя.

Впадает в древний ужас перстное
беспомощное существо,
и мнится – воинство небесное
над ним справляет торжество.

Накопленное поколениями
шлет дальше свой видеоряд. .
И дети спящие – с виденьями
зимой ненастной говорят.

Рассказ

Актриса, бывшая красотка, на главную не тянет роль, – так некрасиво постарела и так некстати располнела, а все жеманна, как молодка, увядшая желтофиоль.

Была когда-то знаменита, была когда-то именита, а вот теперь – почти забыта, в глазах – хроническая боль.

Хотя она и молодится, – здесь вспять растенья не цветут, – и амплуа менять стыдится, но в героини не годится, а в куртизанки не берет.

Ну, только разве что матрону сыграть зовут, по телефону разок консьержкой позвонить. А то – надсмотрщицей на зону тупых охранников

журить да зечек молодых чморить. Иль на каталке подвозить Офелию и Дездемону, когда б ей новый сериал роль нянечки больничной дал...

Осталось разве что хвалиться бывлым любовником, сердиться, когда не верят ей, а он все также ладно скроен, строен, богат, востребован, спокоен, к элите славою причтен.

Скользя глазком по интерьеру, она твердит интервьюеру о том, как страстно был влюблен тот, имярек: рвалась на части его душа, кипели страсти... Интервьюер устал, смущен.

И он не верит! И сама-то, историей любви богата, вдруг усомнилась – а не сон все это было? Всхлипы, вскрики! А где свидетельства, улики? Все смыло за один сезон.

Тьма настает, и память гложет, и мокрый глаз от ветра сохнет, и блефом обернулась был. И в рукаве не туз козырный, а так, шестерка. И – настырный – во всем дешевый водевиль.

И что теперь? Мораль какая? Морали нет. Пускай, икая, былой поклонник о своем житье печется, окликаая любовь былую. Пьет вино. И слушает, как льнет к гобою виолончель... Давным-давно был счастлив он лишь с ней вдвоем! Лишь с ней вдвоем он был собою. Водой был полон водоем!

А ночь – сияньем. Женский локон так нежно щеку щекотал, и звездной сетью из волокон он пойман был, и в ней из окон над спящею землей летал...

Такое – не исключено. Напротив, очень вероятно: все воедино сведено, вдруг совпадают нити, пятна, слова и чувства. Безвозвратно, казалось, все пропало, но – живет живое, и обратно уносит памяти кино, спрядая нити деликатно, как звездное веретено.